

Разборъ и опроверженіе догматическихъ заблужденій пашковцевъ *)).

II.

Искаженіе такого основнаго догмата, какъ догматъ о существѣ и условіяхъ оправданія, естественно повлекло за собою извращеніе и другихъ пунктовъ православнаго вѣрученія, стоящихъ въ связи съ этимъ догматомъ. И прежде всего, нашими сектантами отрицается православно-церковное *ученіе о поминовеніи умершихъ*, какъ несовмѣстное съ ихъ теоріей оправданія. Въ самомъ дѣлѣ, если чловѣкъ оправдывается только благодатію по вѣрѣ во Христа, если нравственное состояніе самого оправдываемаго не имѣетъ при этомъ никакого значенія: то попятно, что оправданіе и спасеніе можетъ быть дѣломъ исключительно личнымъ и окончательно завершающимся со смертію чловѣка. Истинно-вѣрующіе отходятъ изъ настоящей жизни вполне оправданными и прямо наследуютъ царство небесное; всѣ же не имѣющіе достаточной для оправданія вѣры переходятъ въ загробный міръ обреченными на вѣчную погибель. Участь тѣхъ и другихъ рѣшается здѣсь, на порогѣ въ потусторонній міръ, безповоротно: никакого продолженія спасительнаго процесса за гробомъ нѣтъ; никакое ходатайство о спасеніи умершихъ не должно имѣть мѣста, такъ какъ для оправданныхъ оно излишне, а для лишенныхъ спасенія — безцѣльно, ибо личной вѣры, которая одна только и спасаетъ, ничто не можетъ возмѣстить.

Такъ по возрѣнію нашихъ протестанствующихъ сектантовъ; но не такъ по ученію Церкви православной. По-

*) Продолженіе. См. Янв. 1893 г.

елику оправданіе и спасеніе поставляется здѣсь въ зависимость не отъ вѣры только, но и отъ нравственнаго совершенства человѣка и состоитъ не въ прощеніи только грѣховъ Богомъ, а въ дѣйствительномъ очищеніи отъ нихъ,— оно не можетъ быть единичнымъ актомъ, а лишь длиннымъ процессомъ, продолжающимся цѣлую жизнь человѣка и не завершающимся даже съ его смертію. Въ царство небесное, въ горній Іерусалимъ, по слову Писанія, „не войдетъ ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи“ (Апок. 21, 27). А между тѣмъ безусловная нравственная чистота, при условіяхъ настоящей жизни и удобопреклонности нашей воли ко злу, недостижимо даже для людей высокаго нравственнаго совершенства: „если говоримъ, что не имѣемъ грѣха; обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ“ (1 Іоан. 1, 8). Если же и сами праведники не могутъ достигнуть здѣсь полной безгрѣшности и переносить въ загробную жизнь извѣстную степень нравственнаго несовершенства; то что сказать о большинствѣ христіанъ, которыхъ жизнь земная есть смѣшеніе дѣйствій чистыхъ и нечистыхъ, борьбы добрыхъ стремленій съ грѣховными желаніями и страстями, клонящаяся то на ту, то на другую сторону? Пусть они отходятъ изъ этой жизни съ живою вѣрою въ Спасителя и съ чувствомъ искренняго раскаянія и сокрушенія о грѣхахъ, (что по обстоятельствамъ кончины далеко не для всѣхъ однако бываетъ возможно),—во всякомъ случаѣ нравственная неустроенность, грѣхи, хотя и прощенные, но не изглаженные, создаютъ для нихъ существенное препятствіе къ полному единенію съ Святѣйшимъ Святыхъ, дѣлаютъ ихъ неспособными къ вкушенію райскаго блаженства. Между тѣмъ время дѣланія для нихъ уже прекратилось, условій для собственнаго нравственнаго совершенствованія, для испытанія и упражненія свободной воли,—по отшествіи изъ сей жизни уже не существуетъ. Какъ же должна опредѣлиться вѣчная участь такихъ людей? Безусловнаго осужденія они не заслуживаютъ, потому что перешли въ загробный міръ съ твердою вѣрою во Христа и съ задатками добра; полнаго блаженства они также не могутъ наследовать по несоотвѣтствію своего внутренняго міра съ условіями богоподобной блаженной жизни.

Здѣсь-то, по ученію православному, и являются на помощь молитвы Церкви воинствующей.

Православный догматъ о молитвѣ за умершихъ предполагаетъ, во 1-хъ, что участь людей не окончательно опредѣляется съ отшествіемъ ихъ изъ настоящей жизни, — во 2-хъ, что между живыми и умершими не прекращается связь и духовное общеніе и, въ 3-хъ, что по силѣ такого единенія между ними возможно спасительное содѣйствіе однихъ другимъ. Все это—истины, подтвержденіе которыхъ легко найти въ Св. Писаніи.

Пока продолжается исторія нашего міра, пока не завершилась отъ вѣка предопредѣленная полнота людей, имѣющихъ войти въ этотъ міръ, пока не закончился вообще періодъ спасенія рода человѣческаго, — до тѣхъ поръ нѣтъ рѣшенія вѣчной участи и отшедшихъ отсюда людей. Это рѣшеніе для всѣхъ людей вмѣстѣ, по ученію слова Божія, послѣдуетъ лишь „при кончинѣ вѣка сего“, когда „пшлетъ Сынъ человѣскій ангеловъ Своихъ, и соберутъ изъ царства Его всѣ соблазны и дѣлающихъ беззаконіе, и ввергнутъ ихъ въ печь огненную; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Тогда праведники возсіяютъ, какъ солнце, въ царствѣ Отца ихъ“. (Мѡ. 13, 40—43, 49—50, сн. 2 Коринѡ. 5, 10). Такъ, исторія цѣлаго человѣчества завершится окончательно лишь вмѣстѣ съ исторіей настоящаго міра, и завершится уже безповоротно на вѣки, какъ вѣчны будутъ и самыя условія жизни воскресшихъ людей при обновленныхъ небѣ и землѣ. Но пока не послѣдовалъ этотъ конецъ міра, пока не произнесенъ рѣшительный божественный приговоръ надъ человѣчествомъ, всѣ переходящія изъ настоящей жизни въ міръ загробный не перестаютъ быть членами того же царства благодати, къ которому принадлежатъ и живущіе на землѣ. „Живемъ ли (мы), для Господа живемъ; умираемъ ли, для Господа умираемъ: и потому живемъ ли, или умираемъ, всегда Господни“ (Римл. 14, 8). Правда, смерть, разлучая души отъ тѣлъ, создаетъ для людей новую форму и иныя условія бытія (столь же конечныя и временныя, какъ и условія жизни земной), но самое содержаніе и направленіе духовной жизни при этомъ остается то же. Умершіе живутъ тѣмъ духовнымъ достоинствомъ, какое приобрѣли они здѣсь на землѣ, такъ что жизнь

загробная въ этомъ отношеніи есть естественное слѣдствіе и продолженіе здѣшней. Тѣ, кто здѣсь усовершенались въ добродѣтели и, побѣждая привязанности къ міру, жили высшею духовною жизнію, пламенѣя любовію къ Богу, — по переходѣ въ міръ потусторонній оказываются въ положеніи, вполне соотвѣтствующемъ такому ихъ душенастроенію, и продолжаютъ совершенствоваться въ этомъ направленіи. И такъ какъ теперь нѣтъ уже препятствій, которыя задерживали ихъ стремленіе къ нравственному совершенству въ земной жизни, нѣтъ искушеній и борьбы съ плотію, міромъ и діаволомъ, — то жизнь ихъ течетъ ровнымъ, спокойнымъ, положительнымъ путемъ. Этотъ, ничѣмъ не смущаемый, покой праведниковъ и ближайшее общеніе съ предметомъ ихъ стремленій, отъ котораго ихъ не отдѣляетъ уже болѣе тѣлесная оболочка, естественно служитъ для нихъ источникомъ высокихъ духовныхъ радостей и блаженства. Наоборотъ, тѣ, кто цѣль земной жизни полагали въ удовольствіяхъ плоти, заглушая въ себѣ всякія духовныя потребности и нисколько не памятуя о Богѣ, — переходятъ со смертію въ такую область бытія, которая совершенно не сродна ихъ внутреннему міру. Не развивши въ себѣ никакой воспріимчивости къ духовнымъ благамъ, зальптаннанные нравственными нечистотами, они продолжаютъ жить по смерти въ отчужденіи отъ Бога и еще болѣе утверждаются во злѣ. А невозможность удовлетворенія потребностей, которымъ служили они въ теченіи всей земной жизни, естественно создаетъ для нихъ мученія и порождаетъ ожесточеніе. — Но кромѣ праведныхъ и нечестивыхъ, загробная жизнь которыхъ — по силѣ даннаго на землѣ направленія — идетъ діаметрально противоположными путями, есть, какъ замѣчали мы выше, еще третій классъ душъ, которыя переходятъ въ загробный міръ съ двойственнымъ настроеніемъ. Съ одной стороны — вѣра въ Бога и сѣмена добра, присущія имъ, служатъ залогомъ для блаженной жизни ихъ въ общеніи съ Богомъ; но съ другой стороны — нравственная нечистота отъ грѣховъ слабости и невѣденія (а не отъ сознательно-враждебнаго противленія волѣ Божіей) и вообще неустойчивость въ направленіи къ добру создаетъ препятствія къ дѣйствительному единенію ихъ съ царствомъ чистаго добра и правды. Выйти изъ этой

раздвоенности, свергнуть съ себя бремя грѣха—они при всемъ желаніи собственными силами не могутъ, такъ какъ условія и средства для того ограничены лишь предѣлами земной, тѣлесной жизни. Но то, чего не достаетъ въ условіяхъ загробной жизни для собственнаго усовершенствованія этихъ душъ, восполняется для нихъ предстательствомъ Церкви, молитвами живыхъ за умершихъ, особенно соединенными съ приношеніемъ безкровной Жертвы. При содѣйствіи этихъ молитвъ, по благодати Божіей, сѣмя доброй жизни, перенесенное усопшими въ міръ загробный, мало-по-малу раскрывается въ нихъ, заглушая и искореняя злыя наклонности, приобрѣтенныя на землѣ, такъ что въ концѣ концовъ происходитъ въ нихъ всецѣлое нравственное обновленіе и совлеченіе ветхаго человѣка.

Всѣ христіане, какъ живущіе, такъ и умершіе, составляютъ единое тѣло Церкви, возглавленное Христомъ (Кол. 1, 18), Который объединяетъ подъ своимъ благодатнымъ владычествомъ все небесное и земное (Ефес. 1, 10 и 23). „Ибо Христосъ для того и умеръ, и воскресъ, и ожилъ, чтобы владычествовать и надъ мертвыми, и надъ живыми“ (Римл. 14, 9). Смерть тѣлесная отнюдь не разрушаетъ и даже не ослабляетъ этого церковнаго союза, въ основѣ котораго лежатъ независимыя отъ времени и пространства, духовныя начала,—вѣра и любовь. Не смотря на видимое удаленіе отъ насъ, скончавшіяся въ общеніи съ Церковію и съ Господомъ Іисусомъ продолжаютъ находиться въ тѣсномъ единеніи съ нами; — и здѣсь лежитъ основаніе для нашего попеченія и молитвъ о спасеніи ихъ. Какъ въ тѣлесномъ организмѣ всѣ отдѣльные члены связаны неразрывной связью и находятся въ постоянномъ взаимодействіи; такъ и въ духовномъ тѣлѣ Церкви Христовой не можетъ не сохраняться сочувствія и взаимнаго вліянія между членами. „Посему, страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены“ (1 Кор. 12, 26).

Такъ какъ „Богъ (нашъ) не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ, ибо у Него всѣ живы“ (Лук. 20, 38), то вопросъ о силѣ и дѣйственности нашихъ молитвъ за усопшихъ сводится къ общему вопросу о значеніи предстательства вѣрующихъ другъ за друга. Понять и уяснить, какъ, и

почему вѣра и любовь однихъ членовъ Церкви можетъ спасительно воздѣйствовать на другихъ, мы не въ состояніи. Но во всякомъ случаѣ это — истина, не подлежащая ни малѣйшему сомнѣнію и засвидѣтельствованная во множествѣ мѣстъ Св. Писанія. Въ словѣ Божиємъ заповѣдуются намъ молиться другъ за друга (Іак. 5, 16), молиться за всѣхъ людей (1 Тим. 2, 1; см. Еф. 6, 18 — 19), — говорится, что молитвы наши за ближнихъ могутъ быть благотворны для нихъ въ нравственномъ отношеніи (2 Θεсс. 1, 11—12; Еф. 6, 18—19), что особенно много можетъ усиленная молитва праведнаго (Іак. 5, 16). Раздѣлять здѣсь умершихъ отъ живущихъ не согласно съ духомъ Библии, гдѣ сказано: „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ. Ибо у Него всѣ живы“ (Лук. 20, 38). Самъ Спаситель нашъ, во время Своей земной жизни, не разъ являлъ животворную помощь людямъ по вѣрѣ и предстательству ихъ ближнихъ. Такъ, Онъ отпустилъ грѣхи и исцѣлилъ разслабленнаго за вѣру принесшихъ его (Мѡ. 9, 2; Мр. 2, 5); исцѣлилъ слугу сотника капернаумскаго по вѣрѣ господина его (Мѡ. 8, 13; Лук. 7, 9 — 10); исцѣлилъ бѣсноватую дочь хананеянки за вѣру матери ея (Мѡ. 15, 28); воскресилъ дочь Іаира по вѣрѣ отца ея (Мр. 5, 36; Лук. 8, 50) и сына вдовы нанинской — по состраданію къ ней (Лук. 7, 13): Рядъ библейскихъ свидѣтельствъ, подобныхъ сейчасъ приведеннымъ, можно было бы продолжить слишкомъ далеко; но для утвержденія той мысли, что вѣра и молитва однихъ можетъ оказывать спасительное дѣйствіе на другихъ, вполне достаточно и сказаннаго. Молитва вѣрующихъ содѣйствуетъ не тѣлесному только и временному благосостоянію ихъ ближнихъ, но и духовному ихъ совершенствованію, очищенію отъ грѣховъ и нравственному преслѣпанію. Ап. Павелъ свидѣтельствуетъ передъ филиппійцами: „молюсь о томъ, чтобы любовь ваша еще болѣе и болѣе возрастала въ познаніи и всякомъ чувствѣ; чтобы познавая лучшее, вы были чисты и непреткновенны въ день Христовъ, исполнены плодовъ праведности Иисусомъ Христомъ, въ славу и похвалу Божию“ (1, 9—11).

Но чтобы предстательство вѣрующихъ другъ за друга имѣло силу и дѣйственность, необходимы извѣстныя условія со стороны тѣхъ, за кого это предстательство совер-

шается. „Если кто видитъ брата своего согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти“, — говоритъ св. Іоаннъ Бого-словъ, — „то пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь, то есть, согрѣшающему грѣхомъ не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти; не о томъ говорю, чтобы онъ молился“ (1 Іоан. 5, 16). Грѣхъ смертный, — грѣхъ, отсѣкающій человѣка отъ живаго тѣла Церкви и Источника духовной жизни— Бога, лишаетъ его и молитвенной помощи со стороны истинныхъ членовъ Церкви. Какъ гнилое сѣмя, потерявшее начало растительной жизни, не можетъ быть оживлено ни вліяніемъ солнца, ни благоараствореннымъ воздухомъ, ни питательною влагой; такъ и грѣшники, погасившіе въ себѣ духъ Христовъ (1 Фесс. 5, 19) и упорно косиющіе въ противленіи Богу, не могутъ испытывать благотворнаго воздѣйствія молитвъ церковныхъ. „Всякій грѣхъ и хула простятся человѣкамъ; а хула на Духа не простится чело-вѣкамъ. Если кто скажетъ слово на Сына человѣческаго, простится ему: если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ“ (Мѣ. 12, 31—32). Хула на Духа Св., при ясномъ сознаніи Его Божества, есть выраженіе вражды противъ Бога, разрыва общенія съ Нимъ, и потому ставитъ человѣка вѣдъ возможности спасенія какъ здѣсь на землѣ, такъ и по пере-ходѣ въ жизнь загробную. Подобное же, безъ сомнѣнія, духовно-нравственное состояніе перенесъ въ загробный міръ и тотъ приточный богачъ (Лук. 16, 19 — 31), которому отказано было въ возможности помилованія и освобожденія отъ адскихъ мукъ. Жизнь исключительно плотская, пре-данная удовлетворенію грѣховныхъ наклонностей (ст. 19), — жизнь безъ памятованія о Богѣ, безъ любви и состраданія къ ближнимъ (ст. 21), вырыла для него ту нравственную бездну (ст. 26), черезъ которую не могло перевести его даже предстательство праведнаго Авраама. Онъ не сохра-нилъ въ себѣ началъ духовной жизни, не развилъ воспри-имчивости къ благамъ высшаго порядка, порвалъ живую связь и общеніе въ вѣрѣ, надеждѣ и любви съ тѣми, отъ кого можетъ исходить молитвенное ходатайство, и съ Тѣмъ, во имя Кого и передъ Кѣмъ это ходатайство возсы-ляется. Естественно, что для такого рода грѣшниковъ за-крытъ навсегда источникъ божественнаго милосердія.

Но въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ Св. Писанія, гдѣ указаны отрицательныя условія, отнимающія силу и дѣйственность у нашихъ молитвъ за ближнихъ, дается понятъ, что при отсутствіи этихъ условій молитвенное предстательство однихъ вѣрующихъ за другихъ можетъ быть спасительнымъ для этихъ послѣднихъ. Если за находящихся въ грѣхѣ смертномъ Писаніе запрещаетъ молиться, то свободнымъ отъ такого грѣха оно прямо общаетъ жизнь у Бога, и именно — по молитвенному ходатайству ихъ братій. Если хула на Духа Св. выставляется, какъ такой исключительный грѣхъ, который не имѣетъ прощенія ни въ настоящемъ вѣкѣ, ни въ будущемъ; значить — всякій другой грѣхъ можетъ быть прощенъ не только здѣсь на землѣ, но и по переходѣ въ жизнь загробную, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, конечно — по силѣ сторонняго предстательства, такъ какъ для самихъ грѣшниковъ тамъ нѣтъ покаянія. Если, наконецъ, умершіе въ нераскаянности, невѣріи и жестокосердіи, какъ евангельскій богачъ, самымъ нравственнымъ состояніемъ своимъ ставятъ себя въ невозможность общенія съ праведниками; то, наоборотъ, скончавшіеся въ вѣрѣ и единеніи съ Церковію и Господомъ Иисусомъ, имѣющимъ ключи ада и смерти (Апок. 1, 18), могутъ освобождаться отъ узъ адовыхъ въ силу этой вѣры и любви, по предстательству ближнихъ.

III.

Въ ближайшей связи съ догматомъ о молитвѣ за умершихъ стоитъ другой православный догматъ — о молитвенномъ призваніи и почитаніи святыхъ, перешедшихъ въ міръ загробный и прославленныхъ Богомъ. Если молитвы земныхъ членовъ Церкви могутъ содѣйствовать спасенію отшедшихъ отъ земли ихъ собратій, по силѣ не прекращающагося духовнаго общенія между ними; то необходимость требуетъ признать и обратное воздѣйствіе. Церковь торжествующая на небѣ находится въ неразрывномъ союзѣ и общеніи съ Церковію воинствующею на землѣ. „Вы приступили“, учитъ ап. Павелъ христіанъ изъ іудеевъ, „къ небесному Іерусалиму и тьмамъ Ангеловъ, къ торже-

ствующему собору и церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ, и къ Судии всѣхъ Богу, и къ духамъ праведниковъ; достигшихъ совершенства“ (Евр. 12, 22 — 23). „Итакъ, вы уже не чужіе и не пришельцы“, — говоритъ въ другомъ случаѣ тотъ же апостоль христіанамъ изъ язычниковъ, — „но сограждане святымъ и свои Богу, бывъ утверждены на основаніи Апостоловъ и пророковъ, имѣя Самого Иисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, на которомъ все зданіе, слагаясь стройно, возрастаетъ въ святыи храмъ въ Господѣ“ (Еф. 3, 19 — 21). „Вышній Иерусалимъ свободенъ“, — замѣчаетъ наконецъ ап. Павелъ о святомъ царствѣ небожителей, — „онъ матеръ всѣмъ намъ“ (Гал. 4, 26). Такая тѣсная связь и родство членовъ церкви воинствующей съ гражданами церкви торжествующей необходимо должна выражаться въ живомъ общеніи между ними: таково основное свойство любви, связующей ихъ въ единое тѣло о Христвъ Иисусѣ (Еф. 4, 15—16; Римл. 12, 4—5; 1 Кор. 12, 12). Если эта любовь побуждаетъ насъ, живущихъ на землѣ, заботиться о спасеніи своихъ ближнихъ, перешедшихъ въ міръ загробный; то тѣмъ болѣе такая забота должна быть присуща святымъ небожителямъ, которыхъ и любовь несравненно выше и чище нашей, и единеніе съ Источникомъ спасенія ближе и непосредственнѣе, а слѣд. и молитвенное предстательство сильнѣе и дѣйственнѣе.

Что святые имѣютъ попеченіе о подвизающихся на землѣ и готовность содѣйствовать ихъ спасенію, — это съ несомнѣнностью засвидѣтельствовано въ Св. Писаніи ветхаго и новаго завѣта — прежде всего объ Ангелахъ. Трудно исчислить (да едва ли и есть въ томъ нужда) всѣ тѣ случаи, упоминаемые въ Библии, гдѣ Ангелы являются помощниками, хранителями и наставниками людей какъ въ обстоятельствахъ временной жизни, такъ и въ дѣлѣ устройства вѣчнаго спасенія ¹⁾. Ап. Павелъ самую сущность ангельской дѣятельности полагаетъ въ этомъ содѣйствіи устройенію человѣческаго спасенія: „не всѣ ли они (Ангелы) суть служебные духи, посылаемые на служеніе для тѣхъ, которые

¹⁾ Большое количество библейскихъ мѣстъ, сюда относящихся, можно читать въ „Камнѣ Вѣр.“, ч. II, стр. 207—214.

имѣютъ наследовать спасеніе?“ (Евр. 1, 14). Пламенѣя любовію къ Богу и къ людямъ, Ангелы радуются о каждомъ обращающемся на путь истины грѣшникѣ (Лук. 15, 10), и потому не только съ готовностью исполняютъ порученія Божіи касательно человѣческаго спасенія, но и сами предстательствуютъ предъ Богомъ о всѣхъ, прибѣгающихъ къ ихъ посредству. Вѣра въ ихъ молитвенное заступленіе твердо жила въ сознаніи ветхозавѣтныхъ людей и съ ясностію выражена въ Библии. Патріархъ Іаковъ благословляетъ внуковъ своихъ слѣдующими словами: „Ангель, избавляющій меня отъ всякаго зла, да благословитъ отроковъ сихъ“ (Быт. 48, 16). Ангель, покровитель дома Товита, говоритъ ему: „когда молился ты и невѣстка твоя, Сарра, я возносилъ память молитвы вашей предъ Святаго“ (Тов. 12, 12). Въ кн. прор. Захаріи Ангель молится Богу, говоря: „Господи Вседержителю! Доколѣ Ты не умилосердишься надъ Іерусалимомъ и надъ городами Іуды, на которыя Ты гнѣваешься вотъ уже семьдесятъ лѣтъ?“ — и въ отвѣтъ на это молитвенное воззваніе слышитъ отъ Господа „слова благія, слова утѣшительныя“ (Зах. 1, 12—13). Въ новомъ завѣтѣ тайновидецъ Іоаннъ Богословъ созерцалъ и засвидѣтельствовалъ, какъ „пришелъ Ангель и сталъ предъ жертвенникомъ, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество еиміама, чтобы онъ съ молитвами всѣхъ святыхъ возложилъ его на золотой жертвенникъ, который предъ престоломъ. И вознесся дымъ еиміама съ молитвами святыхъ отъ руки Ангела предъ Бога“ (Апок. 8, 3—4).

Итакъ, если молитвенное предстательство Ангеловъ за людей есть несомнѣнная истина, то тѣмъ менѣе основаній сомнѣваться въ такомъ предстательствѣ святыхъ угодниковъ Божіихъ, отъ земли перешедшихъ въ міръ загробный и сподобившихся равноангельскаго (Лук. 20, 36) общенія съ Богомъ. Они были подобострастны намъ, понесли на себѣ всѣ немощи естества нашего, знаютъ нужды наши, и потому съ тѣмъ болѣею готовностью могутъ ходатайствовать о насъ предъ Богомъ. Если приточный богачъ, самъ отверженный Богомъ, молить однако о спасеніи своихъ земныхъ братій (Лук. 16, 27—28), то не въ гораздо ли болѣею степени это попеченіе о спасеніи ближнихъ должно быть присуще святымъ, при ихъ чистѣйшей любви

къ приснымъ по вѣрѣ и при ихъ ревности о славѣ имени Божія? Такъ, дѣйствительно, вѣровала Церковь во всѣ времена и не переставала обращаться съ молитвою къ отшедшимъ святымъ въ томъ убѣжденіи, что по своей любви къ людямъ они всегда готовы услышать ихъ молитву, а по своей близости и угодности Богу сильны ходатайствовать предъ Нимъ. Въ ветхомъ завѣтѣ было слишкомъ употребительно молитвенное обращеніе къ Богу именемъ праотцевъ—Авраама, Исаака, Иакова и др. Такъ, Моисей молится за народъ свой, взывая къ Богу: „отврати пламенный гнѣвъ Твой.... вспомни Авраама, Исаака и Израиля, рабовъ Твоихъ.... И отмѣнилъ Господь зло, о которомъ сказалъ, что наведетъ его на народъ Свой“ (Исх. 32, 12 — 14). Три отрока въ печи вавилонской молятъ Бога: „не отними отъ насъ милости Твоей ради Авраама, возлюбленнаго Тобою, ради Исаака, раба Твоего, и Израиля, святаго Твоего“ (Дан. 3, 35). Самъ Господь, ниспосылая различныя благодѣянія Свои потомкамъ святыхъ патриарховъ, не разъ свидѣтельствуетъ, что дѣлаетъ это *ради* благоудившихъ Ему праотцевъ (см. напр. 3 Цар. 11, 34. 36; 15, 4 — 5; 4 Цар. 20, 6 и др.). Что значитъ это „ради“, какъ не особое благоволеніе Божіе къ праведникамъ, коихъ посредство и ходатайство сильно низвести милость Божію и на такихъ ихъ ближнихъ, которые сами не заслуживали бы того? Есть впрочемъ мѣра человѣческой грѣховности, далѣе которой и предстательства святыхъ не могутъ имѣть силы. Черезъ пророка Іеремію говоритъ Господь, прогнѣванный преступленіями народа Своего: „хотя бы предстали предъ лице Мое Моисей и Самуиль, душа Моя не приклонится къ народу сему“ (Іерем. 15, 1).

Въ новозавѣтномъ Писаніи есть также нѣсколько указаний, свидѣтельствующихъ о существованіи вѣры въ молитвы святыхъ, переселившихся въ міръ загробный. Ап. Петръ выражаетъ увѣренность, что и по отшествіи изъ этой жизни онъ будетъ заботиться поддерживать въ просвѣщенныхъ имъ христіанахъ память о его наставленіяхъ: „буду стараться, чтобы вы и послѣ моего отшествія всегда приводили это (т. е. его наставленія) на память“ (2 Петр. 1, 15). На чемъ основывается эта увѣренность апостола, какъ не на общецерковной вѣрѣ въ возможность молитвен-

наго общенія и ходатайства предъ Богомъ умершихъ за живыхъ? Св. Іоаннъ Богословъ видѣлъ въ откровеніи, какъ „двадцать четыре старца пали предъ Агнцемъ, имѣя каждый гусли и золотыя чаши, полныя еиміама, которыя суть *молитвы святыхъ*“ (Апок. 5, 7). Онъ же слышалъ, какъ святые мученики вопіяли громкимъ голосомъ, обращаясь къ Богу: „доколѣ, Владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу?“ (Апок. 6, 10). Важно здѣсь свидѣтельство о самомъ фактѣ молитвеннаго обращенія святыхъ къ Богу; если же содержаніемъ молитвы является въ настоящемъ случаѣ просьба объ отмщеніи врагамъ Христовымъ, то тѣмъ естественнѣе признать возможность молитвеннаго ходатайства святыхъ о милости Божіей ихъ братьямъ по вѣрѣ.

Такъ, на основаніи вышеуказанныхъ свидѣтельствъ слова Божія, а еще болѣе—на основаніи общаго библейскаго воззрѣнія, что Церковь земная и Церковь небесная составляютъ единое живое тѣло Христово, члены котораго находятся въ тѣсной связи и взаимообщеніи любви, наша православная Церковь никогда не переставала и не перестанетъ обращаться къ молитвенному предстательству святыхъ небожителей, памятуя слова псалмопѣвца, что „очи Господни обращены на праведниковъ, и уши Его къ воплю ихъ“ (Псал. 33, 16).

Не такъ, однако, умствуютъ сектанты наши, пашковцы. Они, не долго задумываясь, объявляютъ врагомъ Божиимъ всякаго, кто обращается за ходатайствомъ къ кому-либо кромѣ Иисуса Христа, и въ частности — молитвенное призываніе святыхъ, отшедшихъ въ вѣчность, кощунственно приравниваютъ чародѣйству и волшебству духовызывателей, т. е. въ сущности тоже объявляютъ тягчайшимъ преступленіемъ противъ Бога ¹⁾. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Если православный догматъ о молитвенномъ предстательствѣ за насъ святыхъ стоитъ въ неразрывной связи и составляетъ только обратную сторону другаго догмата— о нашей молитвѣ за усопшихъ, то тамъ, гдѣ отрицается этотъ послѣдній, не можетъ быть принятъ и первый. Поставляя дѣло спасенія каждаго человѣка въ исключи-

¹⁾ „Богосл. Вѣст.“, стр. 130, (грѣхъ IV).

тельную зависимость отъ его субъективной вѣры во Христа, отрицая при этомъ всякое значеніе и вліаніе духовнаго союза вѣрующихъ между собою, пашковцы естественно отвергаютъ и ходатайство святыхъ, какъ не нужное для спасенія и даже оскорбительное для Бога посредство. Длиннымъ рядомъ новозавѣтныхъ текстовъ, раскрывающихъ въ сущности одну и ту же мысль, что Христосъ есть вѣчный Ходатай предъ Богомъ Отцемъ о всѣхъ вѣрующихъ въ Него, думаютъ они утвердить свое мнѣніе. Силу доказательства имъ желательно, впрочемъ, направить не къ этой безспорной мысли, а къ той особенно, что это вѣчное ходатайство *исключаетъ* всякое другое предстательство предъ Богомъ. Но для этой послѣдней мысли видимую опору можетъ дать развѣ только одинъ библейскій текстъ, который, дѣйствительно, и выставляется нашими сектантами на переднемъ планѣ. Это—извѣстныя слова ап. Павла: „Единъ есть Богъ; единъ и посредникъ между Богомъ и человѣками, человѣкъ Христосъ Иисусъ, предавшій Себя для искупленія всѣхъ“ (1 Тим. 2, 5—6). Текстъ этотъ еще во времена Стефана Яворскаго приводили протестантствующіе еретики, какъ самое сильное возраженіе противъ догмата о призваніи святыхъ, но получили отъ православнаго полемиста прекрасное разъясненіе истиннаго смысла апостольскихъ словъ. Въ параллель съ приведенными словами апостола преосв. Стефанъ ставитъ совершенно подобныя имъ съ формальной стороны (и по внутреннему значенію) слова Спасителя, обращенныя къ ученикамъ: „вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ Учитель, Христосъ; всѣ же вы братья. И отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ: ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ. И не называйтесь наставниками: ибо одинъ у васъ Наставникъ, Христосъ“ (Мѡ. 23, 8—10). Если эти слова Спасителя понять въ такомъ же строгобуквальномъ и исключительномъ смыслѣ, въ какомъ сектанты наши желаютъ понимать слова апостола о единствѣ Ходатая, то получится большая несообразность. Какъ же назвать тогда родителя плотскаго, если не отцемъ, какъ—учителей и наставниковъ земныхъ, если не этими именами? И не согрѣшилъ ли ап. Павелъ, прямо называя себя „учителемъ язычниковъ въ вѣрѣ и истинѣ“ (1 Тим. 2, 7),

или—въ другомъ мѣстѣ замѣчая, что „Богъ поставилъ въ церкви учителей“ (1 Кор. 12, 28 также 4, 15 и 2 Кор. 12, 14)? Очевидно, нѣтъ. Слова Спасителя о единомъ Наставникѣ, Учителѣ и Отцѣ вовсе не исключаютъ приложенія этихъ названій въ истинномъ и строгомъ смыслѣ къ людямъ, которые стоятъ къ своимъ ближнимъ въ отношеніяхъ, выражаемыхъ этими понятіями. Они означаютъ только несравненное *превосходство* учительства Христова, какъ единственнаго источнаго начала, отъ котораго всѣ другіе учителя заимствуютъ свѣтъ истины; такъ же какъ — несравнимое превосходство Отца Небеснаго, отъ Котораго всѣ земные отцы происходятъ ¹⁾. Можно указать въ Св. Писаніи еще не мало аналогичныхъ выраженій, гдѣ терминъ „единный“ въ приложеніи къ тому или другому свойству Божію отмѣчаетъ только необычайную высоту и—такъ сказать — несоизмѣримость этого свойства съ подобными же свойствами существъ тварныхъ. Называя, напр., Бога единымъ святымъ, единымъ безсмертнымъ (1 Тим. 6, 16), единымъ премудрымъ (Иуд. 1, 25) и т. под., слово Божіе выражаетъ тѣмъ, что всѣ эти свойства принадлежатъ Богу въ безконечной степеніи и по самому существу; тогда какъ тварямъ (Ангеламъ и людямъ) они могутъ принадлежать въ ограниченной мѣрѣ и лишь по причастію божественной благодати.

При свѣтѣ указанныхъ сейчасъ аналогій легко понять и выраженіе ап. Павла о *единомъ* Ходатаѣ предъ Богомъ, Иисусѣ Христѣ. Какъ единство Отца Небеснаго не исключаетъ отцевъ земныхъ, единство Божественнаго Учителя и Наставника—учителей и наставниковъ другихъ, отъ Него просвѣщаемыхъ; такъ и единство Ходатая, Христа, не исключаетъ другихъ, низшихъ ходатаевъ — святыхъ; силу и дерзновеніе для своего ходатайства черезъ Него и отъ Него получающихъ. Самъ ап. Павелъ даетъ понять, въ какомъ смыслѣ называетъ онъ Иисуса Христа единымъ Ходатаемъ, присоединяя слова: „предавшій Себя для искупленія всѣхъ“. Какъ Искупитель рода человѣческаго, своею крестною смертію примирившій насъ съ Богомъ, освободившій отъ грѣха, проклятія и смерти и открывшій входъ

¹⁾ „Камень Вѣры“, II, стр. 252—3.

въ царство небесное, Христосъ въ этомъ смыслѣ есть **единый** и единственный Ходатай; „ибо нѣтъ другаго имени **подъ** небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы **намъ** спастись“ (Дѣян. 4, 12). Только по вѣрѣ въ Него и по силѣ крестныхъ заслугъ Его становимся мы изъ сыновъ гнѣва чадами Божиими (Іоан. 1, 12), т. е. получаемъ оправданіе и спасеніе. Будучи всегда живъ, чтобы ходатайствовать (по Своему человѣчеству) и спасать (по Своему Божеству) всѣхъ, приходящихъ черезъ Него къ Богу (Евр. 7, 25), Христосъ, какъ Сынъ Божій, есть **единый** Ходатай и по единству Своего существа съ Богомъ Отцемъ, — Ходатай, Самъ не нуждающійся ни въ какихъ другихъ посредникахъ, силу ходатайства въ Себѣ имѣющій. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Онъ безконечно превосходитъ тварныхъ ходатаевъ нашихъ предъ Богомъ, ибо эти послѣдніе не раздѣляютъ съ Нимъ ни одного изъ вышеуказанныхъ свойствъ. Какъ желѣзо, — по удачному сравненію Стефана Яворскаго, — не само въ себѣ имѣетъ силу паленія, а отъ причастія огню; такъ и святые угодники имѣютъ силу ходатайства не отъ себя, а отъ Христа и крестныхъ заслугъ Его ¹⁾. Потому они отнюдь не суть посредники и примирители наши съ Богомъ въ томъ смыслѣ, какъ принадлежитъ это Искупителю, Богочеловѣку, а лишь молитвенники наши предъ Богомъ, не собственными заслугами покрывающіе грѣхи наши (какъ склонны, кажется, думать католики), а лишь ходатайствующіе о милости Божіей къ намъ и о спасеніи нашемъ силою заслугъ Христовыхъ. Сами оправданные вѣрою во Христа и чрезъ исполненіе Его заповѣдей ставшіе друзьями Ему (Іоан. 15, 14—15), они въ этой дружеской близости къ Богу получаютъ силу предстательствовать за тѣхъ, кои находятся съ ними въ союзѣ вѣры и любви.

И мы обращаемся къ посредству святыхъ не потому, чтобы ожидали получить отъ нихъ самихъ спасеніе или вообще какое-нибудь благо; мы просимъ ихъ лишь о предстательствѣ за насъ предъ Богомъ, единымъ источникомъ и раздавателемъ всѣхъ даровъ и милостей тварямъ (Іак. 1, 17). И это дѣлаемъ въ той увѣренности, что молит-

¹⁾ „Кам. Вѣр.“, II, стр. 254—5.

венное ходатайство за насъ святыхъ сильнѣе и дѣйственнѣе, чѣмъ наше собственное обращеніе къ Богу. Если условіемъ дѣйственности молитвы служить духовная близость къ Богу, а эта близость, доходящая до непосредственнаго лицезрѣнія Бога (Мѣ. 18, 10), обусловливается нравственною чистотой, то естественно, что молитвы святыхъ, достигшихъ тѣснѣйшаго единенія съ Богомъ, могутъ быть несравненно болѣе угодными Богу и скорѣе могутъ быть услышаны, чѣмъ молитвы насъ, живущихъ на землѣ и отдаленныхъ отъ Бога грѣховною нечистотой.—Св. Писаніе (особенно—ветхаго завѣта) представляетъ не мало примѣровъ, когда Самъ Богъ избиралъ праведниковъ въ качествѣ посредниковъ при Своихъ сношеніяхъ съ людьми, недостойными по своей нравственной немощи входить въ непосредственное съ Нимъ общеніе. Таковъ, напр. былъ Моисей за все время своего руководства народомъ избраннымъ, и въ частности—въ величайшемъ актѣ ветхозавѣтнаго законодательства. „Я стоялъ“,—говоритъ о себѣ этотъ великій пророкъ,—„между Господомъ и вами въ то время, дабы пересказывать вамъ слово Господа, ибо вы боялись огня и не восходили на гору“ (Втор. 5, 5; см. Галат. 3, 19). А черезъ пророка Іезекііля Господь свидѣтельствуеть, что во всемъ Израилѣ Онъ не нашелъ праведника, который былъ бы способенъ явиться ходатаемъ или посредникомъ за народъ свой, чтобы отворотить отъ него гнѣвъ Божій. „Искалъ Я“,—говоритъ Господь,—„у нихъ человѣка, который поставилъ бы стѣну, и сталъ бы предо Мною въ проломѣ за сію землю, чтобъ Я не погубилъ ея, но не нашелъ“ (Іез. 22, 30).

Такъ и наша грѣховность, отдаляющая насъ отъ непосредственнаго общенія съ Богомъ и помрачающая въ насъ самый свѣтъ боговѣденія, служитъ побужденіемъ для насъ обращаться къ молитвенному ходатайству святыхъ братьевъ нашихъ, предстоящихъ престолу Божию и во свѣтѣ лица Божія знающихъ наши нужды и немощи и всегда готовыхъ предстательствовать за насъ. Любовь, обнимающая все существо ихъ и составляющая все содержаніе ихъ блаженной жизни, побуждаетъ ихъ заботиться о нашемъ спасеніи, о нашемъ соединеніи съ ними въ вѣчномъ царствѣ славы. Вытекающее изъ такого высокаго мотива

христоподражательной любви и направленное къ прославленію имени Божія, молитвенное ходатайство святыхъ не можетъ быть негоднымъ Богу или оскорбительнымъ для Него. Оно ничуть не унижаетъ величія спасительныхъ заслугъ Христовыхъ; такъ какъ святые молятъ Бога именно о вмѣненіи этихъ высочайшихъ заслугъ ихъ братьямъ, подвизающимся на землѣ. Оно нисколько не заслоняетъ собою и не умаляетъ достоинства Искупителя, какъ единого Ходатая нашего предъ Богомъ; ибо святые молятъ Бога о помощи своимъ немощнымъ братьямъ именно силою этого спасительнаго ходатайства Христова.—

(Окончаніе будетъ).

Ал. Мартыновъ.
